

ДЕТЕРМИНАТИВЫ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Л. А. САРАДЖЕВА

Любому языку присуща способность развития нового явления, если в рамках фомоморфологического строя выдвигается и вырастает настоятельная необходимость новой категоризации языкового мышления.

Особенно рельефно это проявляется в многоступенчатом процессе развития и преобразования корневой морфемы, которая не могла существовать как замкнутая структура, всегда неизменная, всегда равная себе, всегда однозначная в функциональном плане, ибо стационарных состояний в языке быть не может.

Как известно, индоевропейские корни, существовали в разнообразных вариантах, характеризующихся:

а) огласовкой корневого гласного, например и.-е. *ped-/pod-в арм. het „след“, др.-инд. padam „шаг, след“, авест. padəš „след“. греч. πέδον „почва“, др.-исл. fet „шаг“, хетт. pedan „место“, от *ped- „нога“, при арм. օտն „нога“, ст.-сл. podъ „основание“;

б) редупликацией, в особенности в звукоподражательных и экспрессивных корнях: ст.-сл. glagoljъ из *gol-gol-jъ „говорю“, авест. zaō-zaō-mī „зову“, арм. cical<cēcat<*g'oig|- „смех“; cicaln<*g'oi-garop или *g'oi-g'ar-по „ласточка“.

в) наличием этимологических дублетов и их различном отборе и обобщении: и.-е. *ghnida-*knids „вошь, гнида“ > арм. anic, греч. κνίς <*knid-s, ст.-сл. gnida<*ghnida-. При чем разные рефлексy могут отмечаться в одном и том же слове, в одной и той же позиции: об.-сл. *gnqs-*gnus „гнус“ <и. е. *ghen- „грызть, изнурять“.

г) наличием детерминативов как гласных, так и согласных: и.-е. *k'leu-+ детерм. -s- „слушать“ > арм. լուռ „молчаливый“ < *klu-s-ri, ст.-сл. sluchъ, др.-в.-нем. hlo-s-en „слушать“, др.-сакс. hlu-s-t „слух“, валл. clu-s-t „ухо“, др.-инд. śru-ṣ-ṭiḥ „послушание“, авест. srao-ṣ-ō „послушание“.

Одним из важнейших факторов, способствовавших образованию детерминативов — корневых модификаторов по терминологии Э. Мз-каева, — явилась усложненность языковых отношений, проявившаяся в кумуляции и распространении избыточного признака. Проявлением этого процесса было вытеснение древних индоевропейских корней расширенными, что объясняется, в частности, стремлением снять высокую омонимичность корней:

*и.-е. *bheg*—«носить, приносить», наряду с и.-е. **bheg*—«рычать, гудеть, жужжать», а также **bheg*—«обрабатывать острым орудием, раскалывать, расщеплять». Как известно, омонимичность в любом языке допускается лишь до определенного предела¹.

Наряду с условиями, диктуемыми внутрисистемными отношениями, немаловажное значение имел процесс интерференции различных языковых ареалов как родственных, так и неродственных, что приводило к многочисленным случаям заимствования и вовлечения в систему общеиндоевропейского языка, несвойственных ей фonomорфологических структур, которые частично видоизменялись, частично продолжали сохранять свой облик².

Структурная модель, характеризующая наличием детерминатива, значение которого возможно отделить от значения корня³, получила широкое распространение во всем индоевропейском ареале.

При этом эволюция словообразовательных границ, способствовавшая трансформации структуры слова и его конститутивных элементов, вызывала не только возникновение новых морфем, но и их исчезновение, т. е. невозможность выделения в составе слова под влиянием изменений двоякого рода — чисто фонетических (выпадением окончаний) и изменений под влиянием аналогии.

Таковы многочисленные процессы опрощения основы — универсальный для общеиндоевропейского языкового состояния процесс — слияние детерминатива с корневой морфемой. Законы причинности подобных изменений скрыты в глубине, в запутанном узле самых различных элементов языковой системы, в особенности на стыке морфем в пограничных областях, где соприкасаются между собой разнообразные уровни языка.

В большинстве случаев опрощение морфологической структуры слова обуславливается непродуктивностью тех или иных морфем, утративших первоначальное значение: в частности, пустой с семантической точки зрения детерминатив сливается с корнем. Как известно, в основе происхождения понятий лежит сумма признаков. Применение одного из признаков к обозначению целого способствует перевесу реального значения над генетическим. При этом процессе слово, утрачивая первоначальное значение генетически независимых морфологических частей, становится лишь простым символом данного представления.

При опрощении семантическая связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего происходит его обособление.

И.-е. **ghen*-: ст.-сл. *gni*-; в ст.-сл. произошло полное опрощение структуры и.-е. корень **ghen*—+детерм.— *l* —. Сегментация на ко-

¹ ср. G. Juquois. La structure des racines' en Indoeuropéen envisagée d'un point de vue statistique, „Linguistic Research in Belgium" Universa Wetteren. Belgium, 1966, стр. 57—68.

² Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 164.

³ W. Lehmann. The Indo-European-dh-determinative in Germanic „Language", V. 18 № 2, 1942, стр. 125—232.

рень и детерминатив в данном случае невозможна, так как от данного образования засвидетельствовано лишь именное производное -gnida «гнида», которое входит в разные семантические поля с первоначальным значением *ghep- «изнурять, грызть»; аналогичный процесс опрощения основы имеет место в германских языках: др.-англ. hñitu, др.-в.-нем. (h)ñiz «гнида», а также в др.-арм. апіс «гнида», для которого, как было сказано выше, восстанавливаются две дублетные формы: *ghep- + -l- — *kep- + -i-

Безусловно, что в связи с процессом опрощения нарушается соотношение производящей и производной основы: опрощенная основа с детерминативом выступает как исходная для различных производных образований: ст.-сл. gñi-jŕ, «гнить» < и. е. *ghep- + детерм. -l-

Опрощения нет в том случае, где существует семантическая подвижность соответствующих морфем.

Таким образом, ведущим критерием в дифференциации морфологических единиц является наличие определенных соотносительных связей между данным словом и рядом аналогично членимых слов, составляющих единую словообразовательную парадигму⁴ или в терминах Е. Куриловича — наличие основной (la forme de la fondation) и производной формы (la form fondée).

Как древнеармянский, так и славянские языки унаследовали от общиндоевропейской эпохи определенное количество общих структурных признаков, в частности, словообразовательные модели с детерминативными образованиями.

Следует заметить, что различие в дистрибуции детерминативов является одним из важнейших признаков, отличающих армянские и славянские словоформы от исходной индоевропейской словообразовательной модели.

При этом следует учитывать трудности при дифференциации детерминативов, связанные с редупликацией индоевропейских корней, в связи с тем возможна двоякая интерпретация: и.-е. *dre- *dr̥e-, «спать», в арм. tartam «долгий», «сонный» (Pedersen. K. Z. 39, 416 постулирует детерминатив -d- < *der- + -d-). Однако здесь возможна редупликация и.-е. корней.

Кроме этого, наблюдается известный плюрализм в отражении самих детерминативов, обусловленных: а) особенностями фonomорфологического строя древнеармянского и славянских языков, б) реальным историческим процессом, в ходе которого вышеуказанные языки неоднократно вовлекались в различные, а подчас и тождественные зоны контактирования, а возможно и в различные языковые союзы.

Таким образом, дифференциация детерминативов проливает свет на ареальные взаимоотношения индоевропейских диалектов, а также позволяет углубить морфологический анализ, увидеть новые связи между единицами языка и до известной степени восстановить историческое развитие морфологических единиц древнеармянского и старославянского языков в древнейший период их истории.

⁴ Сравнительная грамматика германских языков. М., 1965, т. III, стр. 10.

В процессе исторического развития генетически родственных диалектов теоретически возможны как схождения, так и расхождения, причем последние, по-видимому, преобладают.

Согласно вышеизложенному, делается попытка сравнительного рассмотрения индоевропейских корней, содержащих детерминатив в системе древнеармянского и славянских языков.

И.-е. *ar - „связывать, присоединять, прилаживать“; с детерминативом -t-: арм. ardīun „строение, сооружение, постройка“, ard „сейчас, итак“, z-ard „украшение“, ardacīn „новорождённый“; аналогично и др.-инд. ṛ-túh „установление, время, порядок, правило“, ṛ-ti-ḥ „образ, форма“; авест. arəta-, arəta, др.-перс. arta „закон, правило, право“, „греч. ἀρτί „только что, ныне, сейчас“, ἀρτίς „строй, порядок“ (Гесихий); лат. ars, tīs „ремесло, искусство, система правил“, лит. artī „близкий“, ср.-в.-нем. art „род, вид, порода, способ, манера“, тох. ar(t) kege „ценный“; в славянских представлено образование с детерминативом -dh- от базиса *rē-dh-, *ro-dh-, *rə-dh-: ст.-сл. raditi „заботиться“, perodъ „неурожай“, серб. radim, raditi „работать“, rad „работа, дело“, словен. rōdim, rōditi „заботиться“, аналогично в др.-инд. radhnōti, radhyati; „приспосабливать“, radha-ḥ, radhah „благословение“, авест. raḍaiti „завершать“, raḍa „работник“, готс. rōdjan „говорить, беседовать“; др.-в.-нем. rātan „советовать“.

И.-е. *as- „пылать“ в арм. представлено с детерминативом -g'h-: azazim „сохнуть“; в славянских с детерминативом -d-: *az+-d-: чеш., польс. oz-d- „вяление солода“, чеш., словац. ozditi „вялить солод“ В плане содержания этимологическая связь между понятиями „вяление солода“ и и.-е. „пылать“ утеряна, поэтому и.-е. *as+-d- выступает как новая структурная единица а z d.

В др.-греч. с детерм. -d-: αζω < *az-d-jō „сохну“; в германском с детерминативом -g(h)-: готс. azgo „пепел“; др.-в.-нем. asca, др.-исл. aska, др.-англ. asce „пепел“⁵.

Нераспространенная основа: др.-в.-нем. esca „кузнечный горн“ < *asiļon, др.-в.-нем. eip „пол“ < *azena, др.-инд. āsa-ḥ „пепел“, лат. āra „алтарь“, aridus „сухой“ (Walde-Hofmann, I, стр. 61).

И.-е. *aṣ- „сплетать, ткать“ представлено с детерминативом -dh- в арм. z-aud „узда, связь“, z-audem „связывать“, y-audem „приспосабливать“, лит. audziāu, audziū „ткать“; др.-исл. auḍ-па „судьба, счастье“, auḍinn „сужденный судьбой“, др.-сакс. od „владение, собственность, благополучение“, др.-в.-нем. otas „счастливый, богатый“.

В ст.-сл. языке и.-е. корень *aṣ- „сплетать, ткать“ сохранился в виде следов: ст.-сл. uzda, uslo „сплетение, связь, узда“; vnpъuzdati „внуздать“, расширенный при помощи детерминатива -s-, вошедшего в состав корня; ср. с лит. au-s- ti „ткать“⁶.

⁵ Pok. стр. 68—69 выводит арм. aṣīun „зола“, „пепел“ пз *azg-lop < и.-е. *as+-детер.-g(h)-. Однако g(h) никогда не дает в арм. с См. Г. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, стр. 298.

⁶ Фасмер, склонен рассматривать об.-сл. *uzda от и.-е. *ous- „рот“ с суффиксом sd, где sd > zd в результате ассимиляции по звонкости. См. Н. Шанский, В. Иванов, Г. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка, стр. 349.

В нерасширенном виде и.-е. *aϥ-представлено в др.-инд. *ótum*, *ótave* „ткать“, *vāpa* „ткань“.

И.-е. *b(e)u-, *bh(e)u- „отекать, пухнуть, вздуться“ с детерминативом -d-: арм. *roytñ* или *bou-d-n* „горшок“, об.-сл. *bъдѣла, чеш. *bedla* „пластинчатый гриб“; аналогично в герм.: н.-нем. *puddig* „набухать, пухнуть“, норвеж. диал. *royta*. вест. *rōt*, древ.-фриз. *rot* „горшок“; при детерминативе -t-; греч. *βύτανα* „сустав“, н.-в.-нем. *Bütte* „чан“, лат. *buttis* „бочка“.

И.-е. *bher- „бурлить, кипеть, волноваться“ с детерминативом -gϥ-, вошедшим в состав корня: арм. *bagk* „крепкий, острый, сильный“, *barcapam* „я гневаюсь“, аналогично в латыш. *bargs* „грозный, строгий, суровый“;

с детерминативом -k': об.-сл. *brusiti, болг. *brusja* (*brusich*) „отбивать, сбивать“, сербх. *brusim*, *brusiti* „точить“ при ст.-сл. *ubrusъ* „платок“; сербх. *brūs*. рус. *брус*. „точило“ с аблаутом: рус. *бросать*, *бросить*, лит. *braukiu*, *braukiaũ*, *braũkti* „вытирать“.

И.-е. *bh(e)reu-, *bh(e)rũ- с детерминативом -u- от. *bher- „бурлить“, кипеть, волноваться“: арм. *ałbiur*, *ałbeur* „источник“, ст.-сл. *bruja* „струя“, *bruiti* „течь, струиться“. Как в др.-арм., так и в ст.-сл. языках детерминатив вошел в состав корня; аналогично гот. *brunna* др.-в.-нем. *brunna*, др.-исл. *brunn* „фонтан, источник“; при нераспространенной основе в греч. *φρέαρ* „колодец“.

И.-е. *del-, *dełə-, *de- „светить, блестеть, мерцать“ от ступени аблаута -ai- представлено с детерминативом -ϥ-, вошедшим в состав корня:

арм. *tiv* „день“, ст.-сл. *divъ*, *dīvo* „чудо“; др.-инд. *diva* „днем“, *dyáuṣ* „небо“, греч. *Ζεὺς*,

лат. *dīus* „в середине дня“, при греч. *ἐνδιος* „в середине дня“, где представлены нераспространенные основы.

И.-е. *del-, *dol-, *dełə- „колоть, раскалывать, расщеплять“.

Нераспространенная основа: арм. *tał* „чеканка, отпечаток, знак“, *talem* „выжигать“ < *d_el (Scheffelowitz, В. В. 29, 27). ст.-сл. *dlanь*, рус. *долонь* „ладонь“, лит. *dylù diliti* „шлифовать“, *dalis* „часть“, греч. *δαιδάλος*, *δαιδάλεος* „искусно обработанный“, лат. *dolb*-, *are* „отделять, обрабатывать“;

с детерминативом -gh-: ин.-ир. *dargha „сепн“; серб. *dlaga*, польс. *dłozka* „дощатый пол“, чеш. *dlaha* „шина“, *dlaziti* „мостить“, др.-ирл. *dlongid* „колет, раскалывает“, ср.-в.-нем. *zelge*, *zelch* „ветвь“, др.-в.-нем. *zuelg* „ветвь“;

с детерминативом -g'h-: арм. *atalj* „строевой лес“.

И.-е. *der-, *derə-, *drē- „сдирать кожу, драть“. Нераспространенная основа: др.-инд. *dar-* „лопаться, раскалывать“, авест. *darədar* „раскалывать“, греч. *δέρω* „деру“, гот. *dis-tafran* „рвать, разрывать“, лит. *dirlù*, жемайт. *derù* „драть“, об.-сл. *derϥ, и *dъrϥ, *drati* „драть“ и т. д;

с детерминативом -s-: в арм. детерминатив вошел в состав корня *teřem* (Persson Beitr. 779 Амн. 1 выводит *t* из **der-s-*); ст.-сл. *drasati* „разделять, разнимать“, чеш. *drásati* „скрести, царапать“, ср. с норв. *ters* < **ders* „гвоздь“;

с детерминативом -gn-: рус. *дергать*, *судороги*, герм. **targjan* „дразнить, раздражать“, швед. диал. *targa* „дергать, рвать“, норв. *terga* „дразнить“, лит. *dirginù, dirginti* „натягивать“;

с детерминативом -k-: словен. *dīkam, dīčem, drkati* „скользить“, чеш. *drkati* „толкать, бодать“, болг. *dъсам, dъспъ* „тянуть лен“, греч. *δῶρκος* „ужин“ < **dork+* -*цо* (формант), алб. *darkë* „ужин“.

И.-е. **drē-, *drā-* „спать“:

с детерминативом -d-: арм. *tartam* „сонный, долгий“⁷;

с детерминативом -m-, вошедшим в состав корня:

об.-сл. **drēm-lō* „спать, дремать“ и *drēma* „сон“, аналогично в лат. *dormiō* „спать“, < **drmi-lō*; при нераспространенной основе в др.-инд. *drāti, drāya-ti, ni-drā* „сон“.

И.-е. **dher-, *dherə-* „стоять, длиться“. Нераспространенная основа: в арм. *dadar* „остановка, пауза“ с редупликацией корня; др.-инд. *dhar-* „получать, поддерживать“, „сохранять“, греч. *δῆρος* „скамья“, лат. *frē-tus* „полагающийся, доверяющий“, др.-в.-нем. *tarpi* „скрытый, невидимый“, лит. *deriù, derėti* „покупать“;

с детерминативом -gh-:

ст.-сл. *drъzъ, drъžati* „стоять, длиться“, рус. *дрога* „повозка“, ст.-сл. *drъgъ* „штанга“, аналогично в авест. *dražalte* „стоять“;

с детерминативом g'h-:

об.-сл. *dъgzъ* „отважный, смелый, дерзкий“, ст.-сл. *dъgzъ*, словен. *dīz*, чеш. *drzy*, рус. *дерзкий* ст.-сл. *dъgzъnъ, dzъznъti*, рус. *дерзать*, лит. *diržas* „ремень“, „сильный“; др.-инд. *dī'hyati* „делать твердым“, авест. *darəzayeti* „крепко связывать“.

И. е. **dhren-* „звенеть, звучать“. Нераспространенная основа: греч. *δῆρνος* „жалобная песня“; др.-в.-нем. *trepo*, лит. *trėpas*, ст.-сл. *trōtъ* греч. „трутень“;

с детерминативом -k-: арм. *dīnčim* < **dhrenk-* „гудеть, трубить“, об.-сл. **drkъ* < **dhjnk*, словен. *drok* „толчок, удар“, возможно, тох. А. *frank-*, тох. В. *trenk* „говорить“.

И.-е. **dheu-* „разлетаться, рассеиваться“ (об искрах, дыме, дыхани). Нераспространенная основа: арм. *dedevim* „качаться, колебаться“ (с редупликацией), ст.-сл. *dujъ, dъti* „дуть“, др.-инд. *dhūpōti* „трясти, взбалтывать“, греч. *θύω*, лесб. *θυ-ω* дымиться, куриться“, лат. *suf-flō* „коптить“, гот. *dauns* „запах“, лит. *duja* „пылинка“;

с детерминативом -bh-: ст.-сл. *dъbъ* „дуб“ и дерево вообще, как лат. *gōbur*, греч. *τύφω* „дымить“, др.-ирл. *dub* „черный“ гот. *daufs* „глухой“, др.-в.-нем. *toup* (b), ср.-в.-нем. *top* „бессмысленный“;

⁷ Педерсон выводит из **der+-d-*, хотя в данном случае не исключена редупликация корня.

с детерминативом -г-: ст.-сл. *durъ, dura* „глупость“, серб. *dûrim, duriti*, рус. *дуреть, дурить* „безумствовать“, др.-инд. *dhoraṇa* „рысь“ (аллюр), *dhōratī* „бежать рысью“, греч. *ᾠδύρω* „играть“, лит. *padûrmai* „стремительно бежать“, др.-прус. *dūrai* „страх“.

И.-е. **dher-, *dherə-* „держат, поддерживать“. Нераспространенная основа: арм. *dadar* „остановка, перерыв“ (с редупликацией), с детерминативом -gh-: арм. *trçak* „связка, пучок, фашина“ < **droghsc-* ст.-сл. *drъžq, drъžati* „держат“, рус. *дорога* „кибитка“ ср. с греч. *δράσσομαι* „хватать, схватывать“.

И.-е. **ghep-* „звучат“. Нераспространенная основа: арм. *jaip* < **ghuon-i-* „голос“, ст.-сл. *zvoпъ* „звук, звон“, алб. *zē* „звук, голос“, в славянских языках и.-е. основа осложнена различными детерминативами:

детерминативом -g-: ст.-сл. *zvęgq*, рус. *звягу* „пою“, рус. диал. *звягу* „лаю“;

детерминативом -k-: ст.-сл. *zvęкъ* „звон“, *zvęknōti* „звенеть“, серб. *zvék* „звук“, польс. *dzwięk*, рус. *звук*, чеш. *zvuk* „звук“;

детерминативом -t-: болг. *zvъptja* „звенеть“.

И.-е. **gъei-* „жить“. Нераспространенная основа: арм. *keam* ст.-сл. *žijq, žiti*, греч. *ζῆν* „живу, жить“, греч. *ἐβίωv* „жил“, авест. *gauō* „жизнь“, наряду с основной, осложненной детерминативом -ц-, вошедшим в состав корня: др.-инд. *jivati* „живет“, ст.-сл. *živq*, лат. *uīuō* „живу“, др.-инд. *jiva'h* „живой“, ст.-сл. *živъ*, лит. *gy'vas*, валл. *byw*, лат. *uīuos*.

И.-е. **ei-* „идти“. В арм. только с детерминативом -gh-, вошедшим в состав корня: *ēj* „спуск“, *iJanim*, аор. *ēj* „спускаюсь“, *iJavanik* мн. ч. „гостиница“ *iJavor*, „гость“, аналогично в лит. *eiga* „ходьба“, „ходьба“ при др.-греч. *εἰχεται* (Гесихий) „уходит“, *οἰχεται* „ухожу“, *οἰχέω* „ухожу, отправляюсь“ с детерминативом -g'h-; ст.-сл. *jachati* „ехать“ с детерминативом -s- при *jadq* „еду“.

И.-е. **er-, *or-, *r-* первоначальный атематический корень „приводить в движение“;

с детерминативом -dh-; арм. *hord* „обильный“, *yordor* „увещевание“ при *agi* „встань“; в ст.-сл. от огласовки корня **or(e)-ti-*: *ratъ*, др.-болг. *retъ*, рус. *ратъ*, серб. *rāt* „ратъ“, рус. *ретиный* „бурный страстный“, рус. диал. *еретиться* „браниться“ др.-греч. *ἐρέθω, ἐρεθίζω* „раздражаю, возбуждаю“, др.-инд. *ṛti-*, *ṛti* „нападение“, авест. *ərəti* „энергия“, алб. гер. *ritē* „влажный“, при лат. *orlor* „восходить, появляться“, готс. *garunji* „разлив, половодье“, н.-в.-нем. *ginnen* „течь, струиться“.

И.-е. **k'leu-, *k'leuə-, *klu-* „слушать“ с детерминативом -s-, вошедшим в состав корня: арм. *luť* „молчаливый“ < **klu-s-ri*, при *lu* „известный“; ст.-сл. *slu-chъ* „слух“, *slyžati, služati* „слышать, слушать“ при *slovo* „слово“, *slava* „слава“ др.-в.-нем. *hlosen* „слушать“, др.-сакс. *hlust* „слух“ др.-инд. *śru-s-tiḥ* „послушание“, авест. *sraoδd*

„послушание“, др.-греч. κλῡ-τ-ος „прославленный“-с детерминативом -t-.

И.-е. *kau- *keu-, *ku- „кричать“. Нераспространенная основа арм. k'u-k' „плач“ = греч. κταυζῶν, др.-греч. κω-κω, лит. kaupti, šaukti, ст.-сл. ku-ka-ti „кричать“;

с детерминативом -r-: ст.-сл. куръ „петух“, лат. saurire „кричать“, др.-инд. sakṛga „вид куропатки“.

И.-е. *mel- „молоть, раздроблять“. Нераспространенная основа: арм. malem „раздроблять“, mul „мельница“; ст.-сл. meljъ mlěti, „молоть“ рус. *молоть*, серб. mljěti „молоть“; др.-инд. mṛnati „размалывать“, греч. μολῆ „мельница“, лат. molō „молоть“, гот. malan, др.-в.-нем. muljan, лит. malù, malti, хетт. ma-ai-la-i „размалывать“ и т. д.

с детерминативом -d-: ст.-сл. mladъ „молодой, нежный“-семантический переход: раздробленный, молодой, → нежный; др.-инд. mṛdu, mṛdvī „мягкий, нежный“, греч. βλαδός „вялый“, др.-пр. maldai, мн. ч. „юноши“, гот. gamaltens „развязывание“.

И.-е. *old- „отекаль, пухнуть“. Нераспространенная основа: арм. ałt „щека“, ст.-сл. jadъ „еда“, словен. jāditi „сердиться“, греч. οἰδῶ „отекаль“, οἶδος „опухоль“, др.-в.-нем. eiz „нарыв“.

с детерминативом -s-: ст.-сл. isto < *id-s-to = др.-исл. eista „яичко“ (анат.).

И.-е. *os- „ясень“. Нераспространенная основа ст.-сл. jasenъ, jasenъ, серб. jāsen, рус. *ясень*, лит. ūžsis, латыш. uōsis, др.-пр. woasis < *osis, лат. ognus;

с детерминативом -k-, вошедшим в состав корня: арм. hačl < *os-k, алб. ah < *os-k-a, греч. ὀξύη < οξ(е)-η „бук“, др.-исл. askr' „ясень“, „копье“, „судно“, др.-в.-нем. asc „ясень“;

И.-е. *rei-, *rē(i)- звукоподражательный корень „кричать“. Нераспространенная основа: арм. oṙnal „выть, завывать“, греч. ῥέομαι „реветь, выть“, ст.-сл. ragъ „звук“, рус. *райать* „звучать“, др.-инд. rayati „лаять“, лит. rí'eju, rí'eti „бранить“;

с детерминативом -k- < *re-k-: ст.-сл. rekъ „говорю“, лит. rekiù, rēkti, лат. gasstāre; gancāre „реветь, мычать, гудеть“, ср.-в.-нем. ruohen то же.

И.-е. *sa- *сытый“;

с детерминативом -d- < *sa-d-: арм. ato-k' „полный“;

с детерминативом -ц- < *sa-ц-: арм. yag' „сытость“.

с детерминативом -t- < *sa-t-, вошедшим в состав корня: ст.-сл. syть „сытый“, греч. ἀσταί „насыщаться“, лат. satis „достаточно“, лит. sōtis „сытость“, герм. *sōr, готс. gasarjan, др.-в.-нем. satōn „насыщать“, др.-англ. sad; др.-исл. saðr „сытый“.

Обращает на себя внимание, что подавляющее большинство индоевропейских языков обнаруживает в корне детерминатив -t-. Это

⁶ Рок. стр. 716—719 рассматривают арм. meik „мягкий, нежный“, выделяя детерминатив -d- < *mel-d-и. Однако арм. к < *d, а не < *d, тем не менее связь арм. meik с malem очевидна.

заставляет постулировать и.-е. *sa-+детерм.-t- на индоевропейском уровне, но в др.-арм. представлены детерминативы -d- и -ц-, вошедшие в состав корня и представляющие, по-видимому, хронологически более позднее образование.

И.-е. *sal- „соль“. В основной форме корень представлен в арм. at „соль“, ст.-сл. solь „соль“, лат. sal, salis, греч. αλς. род. п. αλός и др;

с детерминативом -d-: арм. atc „соль“, об.-сл. *soldъk, ст.-сл. sladъkъ „сладкий“ (с модификацией значения); готс. salt, др.-в.-нем. saiz „соль“, лат. salsus < *sald-to „соленый“.

И.-е. *skeI- „разделять, раздроблять резать“, с детерминативом, -d- < *skēI-d-, вошедшим в состав корня; арм. c̄tīm „царапать“, ст.-сл. c̄lsth „чистый“, c̄editi „очищать“, аналогично в греч. σχίζω, σχίζω „щепка“, лучина“, нидерл. schedel „крышка“; при др.-инд. chinatti chindati „отрезает, колет“.

И.-е. *(s)ker-, *(s)kər-(ə)- „резать“, с детерминативом -t- < *(s)ker-t-: арм. k'ert'em „сдираю кожу“, krcatem „сокращаю“, ст.-сл. па-с̄гьтати „начертить, очертить“, с̄ьkraštō, -kratiti „сокращать“, c̄ьгтō, c̄rēsti „разделять“, в адъективных образованиях: ст.-сл. kratъ-kъ, рус. короткий, польс. krótki „короткий“, аналогично в др.-инд. kṛntati, kartati! „режет“ karta- „яма“, kaṣa „глубина, основа“, kṛntātram „ущелье“, лат. curtus, нем. kurz „короткий“; при греч. κείρω „стричь, срубить, обгладывать“.

И.-е. *smel-, мазать, намазывать.

с детерминативом -d- < *smel-d-: арм. miс̄ „грязь“, mceal „грязный, темный“, ст.-сл. smědъ „темного цвета, непрозрачный, смуглый“, аналогично в готс. be-smeltan „обмазывать“, др.-англ. smitte „пятно“, ср.-в.-нем. smitze „пятно“ и т. д.

И.-е. *(s)rep- „тянуть, натягивать“, выступает в своей основной форме: арм. hanum, аор. hapaу и henum, аор. henі „ткать“. В ст.-сл. языке, наряду с нераспространенной основой-repō, pētī „натягивать, тянуть“, представлена распространенная основа с детерминативом -p- < *(s)rep-d-: pedь „напряжение“, pōditi „напирать, теснить“.

И.-е. *stel- „стоять, поднимать“. Нераспространенная основа: арм. toł „прямой ряд“, греч. στῆλος „военный порядок“, „путешествие“, н.-в.-нем. Stollen „штольня, галерея“;

с детерминативом -d-: арм. stełcanem „создавать“, < *stel-+d-;

с детерминативом -п-: арм. stełn „стебель“.

В славянских языках только с детерминативами, вошедшими в состав корня:

а) *stel-+b-: ст.-сл. stlъba „лестница“, рус. столб.

б) *stel-+p-: ст.-сл. stlърь „колонна“.

И.-е. *tēn- „тянуть, натягать“, с детерминативом -gh- < *ten-gh-: ст.-сл. tōga, словен. tōga „тяжесть“, об.-сл. *teгъkъ, ст.-сл. oteгъčiti, čezъkъ, teгostъ, teгota „тяжелеть, тяжелый, тягость“; аналогично в лит.

tingus „ленивый“ (семантический переход: „тянуть, напрягать→ленивый“), др.-исл. rúngsl „горе, угнетение“;

с детерминативом -g'h-⁹; арм. t'apɪg „густой, плотный“.

И.-е. *ter-, *terə- „тереть“;

с детерминативом -g-, вошедшим в состав корня: арм. t'urc, род. п. -оу „челюсть, щека“, арасеш „пасу“, ст.-сл. trezati, trъzati „терзать“, греч. τρωτό „грызу, ем“, τρωτόλη „отверстие, дыра“;

с детерминативом -p-: серб. tgar „яма для овощей“.

И.-е. *teu-, *teuə-, *tu- „отекать“;

с детерминативом -ph- < *tu-ph-о: арм. t'ur' „куст“ (семантический переход: „отекать, пухнуть→куст“),

с детерминативом -k- < *tu-k-: ст.-сл. tukъ „жир“.

И.-е. *uel- „желать, выбирать“.

Нераспространенная основа: ст.-сл. volja „воля, желание“, velěti „желать“, готс. valjan, др.-в.-нем. wellan „выбирать“;

с детерминативом -d- < *uel-d-: арм. gei, „желание“, греч. ἐλδομαι „желать, жаждать“.

Как показал фактический материал, эволюция в области словообразования, начавшаяся в период индоевропейской языковой общности, имела непосредственное влияние на развитие структурных моделей: корень + детерминатив как в древнеармянском, так и в старославянском языках, включая отдельные славянские диалекты.

Структурные модели, содержащие детерминатив, представлены, с одной стороны, изоглоссами, совпадающими между собой и образующими пучки, которые охватывают большинство индоевропейских языков. С другой стороны, обнаруживаются различные пути развития, отражающие, по-видимому, более поздние диалектные особенности: а) в рамках индоевропейской лингвистической общности, б) диалектные особенности в период обособления отдельных языков.

При этом в системе древнеармянского и старославянского языков представляется возможным выделить следующие деривационные типы, обнаруживающие расхождение в словообразовательных границах:

1) первичный индоевропейский корень в одном из языков выступает в своем первоначальном облике, тогда как в другом языке этот же корень осложнен детерминативами: и.-е. *uel- „желать, выбирать“, ст.-сл. volja «воля»; в арм. -gei «желание» — с детерминативом -d-;

2) осложнение первичного индоевропейского корня различными детерминативами: и.-е. *tēu-, *teu-, *tu-: арм. t'ur' „куст“-детерминативом -ph-, ст.-сл. tukъ „жир“-с детерминативом -k-;

3) перемещение границ индоевропейского корня, вследствие процессов опрощения: и.-е. *kl'eu-, *k'leuə-, *k'lu-: арм. lur < *klu-s-ri при ст.-сл. slu-chъ;

⁹ Рок. выводит из *tq-gh-lu, но *gh- в арм. обычно дает j, а не j. Ср. Г. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, стр. 62.

4) наличием в древнеармянском языке протетических гласных и.-е. *bh(e)reu-, *bh(e)rú-: арм. aḫiur, при ст.-сл. bruja „струя“.

Древнеармянский язык, обнаруживая заметные расхождения со славянскими в дистрибуции детерминативов, более тесно примыкает к древнегреческому и индоиранскому языкам. Славянские языки, в свою очередь, обнаруживают более тесные связи с германскими языками, что, по-видимому, отражает диалектные особенности в эпоху перехода в древнюю северо-западную зону.

ԱՃԱԿԱՆՆԵՐԸ ԳՐԱՐԱՐՈՒՄ ԵՎ ՀԻՆ ՍԼԱՎՈՆԵՐՆՈՒՄ

1. Ա. ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա. մ փ ա փ ու մ

Աճականների ռաշխման աարրերությունը գրարար և հին սլավոններն լեզուների ռառաձևերը հնգեվրոպական ռառակազմական կաղապարներից աարրերող հիմնական հատկանիշներից մեկն է: Աճական պարունակող կառուցվածքային կաղապարները մի կողմից՝ ներկայացված են հնգեվրոպական լեզուների մեծ մասն ընդգրկող ղուգարանություններով, այսու կողմից՝ հանդես են բերում ղարգացման աարրեր միառմաներ, որոնք, թերևս, արաացուում են ավելի ուշ շրջանի ռարբառային երևույթներ՝ ա) գեռես հնգեվրոպական լեզվական ընդհանրության ժամանակ և բ) հիշյալ լեզուների առանձնակի գոյության շրջանում: Այս դեպքում հայերենը ավելի սերաորեն աղերսակցում է հին հունարենին և հնգիրանական լեզուներին, իսկ սլավոնական լեզուները՝ գերմանական լեզուներին: